

задачи исторически точно передать ход событий и, в соответствии с фактами и хронологией, рассказать об участниках битвы. Если же его целью было изображение „разорения“ Рязани и в то же время похвала храбрости и единодушию своих рязанских князей, то он мог, в нарушение исторической действительности, вывести на сцену уже умерших князей и показать участников битвы всех до одного убитыми в неравном бою. Этим усиливалось впечатление неизбежности поражения: все бились до смертного конца; дальше сопротивляться было некому. Оттого и самая битва представлена в эпических чертах, с обязательным для эпоса гиперболизмом.

Народность замысла, подлинно народная оценка событий не только вовлекла в язык автора целые народные предания; она втянула большое количество устнопоэтических образов, органически слитых с теми, которые принадлежали уже литературному письменному языку, но самый отбор которых также в значительной мере был определен характером основных источников автора — народных преданий и песен.

К поэтике устного героического эпоса и к устной воинской речи восходит фразеология повести в ее воинской части: „дружина ласкова“, „резвецы, удалыцы, узорочье и воспитанье рязанское“, „господство резанское“, „воеводы крепкие“, уже в летописи разработанный кодекс воинской чести: „лучше нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти“, — хотя рука книжника сказалась на привнесении христианского мотива в старый призыв: „луче ж бы потяту быти, неже полонену быти“ („Слово о полку Игореве“). Вместо простого „потяту быти“ или летописного „изомрем“, „умрем“, — здесь религиозное понятие „живота“, т. е. загробной жизни в „царстве небесном“ в награду за почетную смерть за родину. Внимание читателя уже переключается в новую область понятий; обязательность исполнения воинского долга подтверждается обещанием „небесной награды“.

Заключительный плач, со временем доработанный по типу плача княгини Евдокии, вдовы Дмитрия Донского, т. е. не раньше XV в., содержит следы и более древней своей основы в такой, например, фразеологии: „чести-славы ни от кого приемлемо“, „дружина ласкова“, „за утеху и радость“, „узорочье рязанское, храбрые удалыцы“. Так и в риторической похвале-характеристике убитых князей народноэпический стиль слышен еще ясно: „лицем красны, очима светлы, взором грозны... сердцем легкы“, служили „правде-истине“.¹

¹ Не все из фольклорной поэтики повести оказалось понятным позднейшим читателям. В так называемой „стрелецкой“ редакции повести о Еплатии Коловрате неудачно изменен символ битва-пир: русские воины говорят о себе Батью: „И ты о сем не дивися, царю, что нас наш государь князь упоил питием хмельным на толикую и великую рать татарскую. И мы елико смыслили, так и сотворихом“. То же сделали они из образа крылатых воинов, заменив его сравнением: „Сни бо людие, ако львы сердца, и сильны и легцы, ако птицы крылати пролетающе и пресекающе полки наша“; пропустили в описании поля битвы упоминание о „траве-ковыле“ —